

Нет автора

**Отчет о тридцать втором присуждении
наград графа Уварова**

**Приложение к 69 тому Записок Имп. Академии
наук №3**

УДК 304
ББК 60.5
Н57

Н57 **Нет автора**
Отчет о тридцать втором присуждении наград графа Уварова: Приложение к 69 тому Записок Имп. Академии наук №3 / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 324 с.

ISBN 978-5-458-00265-3

ISBN 978-5-458-00265-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТРАН.
Отчетъ о тридцати второмъ присужденіи наградъ графа Уварова, читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 25 сентября 1890 года, Непремѣннымъ Секретаремъ Академіи А. А. Штраухомъ.....	1—21
I. Сочиненія профессора П. В. Владимірова: А. Житіе св. Алексѣя, челоуѣка Божія. — Б. Докторъ Францискъ Скорина, его переводы, печатныя изданія и языкъ. Спб. 1888 г. стр. XXVI + 351. Рецензія профессора А. Будиловича.....	22—38
II. Рецензія на книгу А. М. Лазаревскаго: «Описаніе старой Малороссіи. Томъ первый. Стародубскій полкъ. К. 1889, XVI, 470, XXX. Д. И. Багалѣя.....	39—186
III. Разборъ изслѣдованія Н. П. Лихачева: «Разрядные дьяки XVI вѣка», сдѣланный по порученію Императорской Академіи Наукъ, ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Казанскаго университета Н. П. Загоскинымъ. Казань 1889 г....	187—221
IV. Рецензія на книгу Житецкаго: «Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія». А. Кочубинскаго.	222—318

ОТЧЕТЪ

0

ТРИДЦАТЬ ВТОРОМЪ ПРИСУЖДЕНИИ НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА,

читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ
25-го сентября 1890 года Непремѣннымъ Секретаремъ Академіи А. А.
Штраухомъ.

Въ соисканіи наградъ гр. Уварова въ настоящемъ году участвовало 15 сочиненій, въ числѣ которыхъ было два, отложенныхъ отъ предыдущаго конкурса.

Для ихъ разсмотрѣнія и постановленія о нихъ приговора была назначена Академіею, согласно правиламъ объ Уваровскихъ наградахъ, комиссія подъ предсѣдательствомъ Непремѣннаго Секретаря изъ гг. Академиковъ: Я. К. Грота, К. С. Веселовскаго, А. О. Бычкова, А. А. Куника, М. И. Сухомлинова, А. Н. Веселовскаго, Л. Н. Майкова и Адъюнкта Н. О. Дубровина. Ознакомившись съ переданными на ея судъ сочиненіями, комиссія, для ближайшаго разсмотрѣнія каждаго изъ нихъ, избрала рецензентовъ и пригласила ихъ доставить рецензіи на конкурсныя произведенія къ назначенному для того сроку.

По истеченіи этого срока, комиссія признала необходимымъ три сочиненія отложить до слѣдующаго Уваровскаго конкурса, за неполученіемъ отзывовъ отъ лицъ, которыя приняли на себя ихъ разсмотрѣніе и затѣмъ по внимательномъ обсужденіи сравнительнаго достоинства прочихъ конкурсныхъ трудовъ, четверымъ изъ нихъ присудила преміи, въ 500 руб. каждая.

I.

О житіи Св. Алексѣя, человека Божія и 2) Докторъ Францискъ Скорина, его переводы, печатныя изданія и языкъ. С.-Петербургъ. 1888. Профессора Петра Влад. Владимірова.

Въ виду спеціальнаго характера этихъ сочиненій Академія обращалась съ просьбою о составленіи рецензіи на нихъ къ проф. Варшавскаго университета Ант. Сем. Будиловичу, который составленнымъ подробнымъ отзывомъ и оказалъ комиссіи существенное содѣйствіе въ дѣлѣ оцѣнки трудовъ проф. Владимірова.

Статья о житіи св. Алексѣя, напечатанная въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, посвящена обзорѣю написаннаго въ концѣ XV или началѣ XVI в. западно-русскаго житія св. Алексѣя, оказавшагося въ одномъ изъ Сборниковъ Императорской Публичной Библіотеки. Въ предисловіи изданію этого любопытнаго памятника историко-литературномъ введеніи пр. Владиміровъ проводитъ мысль, что хотя, по содержанию своему, житіе не отличается отъ латинской легенды о названномъ святомъ, вошедшей въ извѣстный подъ названіемъ *Legenda aurea* Сборникъ XIII в. Якова à Ворагина, тѣмъ не менѣе, по языку, оно примыкаетъ къ сохранившемуся въ спискахъ XIV и XV вв. чешскому переложенію этой легенды и такимъ образомъ является однимъ изъ малочисленныхъ русскихъ памятниковъ, возникшихъ подъ чешскимъ вліяніемъ въ періодъ утраквизма и чешскобратства.

Текстъ житія (стр. 9—14) изданъ авторомъ съ полною палеографическою точностію и снабженъ подстрочными примѣчаніями, въ которыхъ отмѣчены ошибки и пропуски списка, по сравненію съ легендою латинскою, ея чешскимъ переложеніемъ и нѣсколькими редакціями польскаго житія того же Святаго (по *Gesta Romapom*). Послѣднія семь страницъ статьи посвящены характеристикѣ языка нововзданнаго памятника въ отношеніяхъ: фонетическомъ, морфологическомъ и лексическомъ, причемъ въ краткомъ словоуказателѣ къ житію приведены соотвѣтственные обороты и слова латинскіе, чешскіе, а иногда нѣмецкіе, съ дополнительными параллелями по словарямъ Палевы, Берынды, Юнгмана, Линде, Косовича, Желеховскаго и др.

Хотя, по замѣчанію пр. Будиловича, характеристика эта не представляетъ исчерпывающей полноты, тѣмъ не менѣе пробѣлы

въ словоуказателѣ легко могутъ быть восполнены читателемъ на основаніи изданнаго текста житія.

Равнымъ образомъ «не вполне разъясненъ авторомъ діалектическій характеръ языка памятника, происхождение и относительная сила въ немъ вліяній чешскихъ и польскихъ, церковно-славянскихъ, актово-западно-русскихъ, живыхъ бѣлорусскихъ и т. п. Но, быть можетъ, болѣе опредѣленный отвѣтъ на эти вопросы будетъ представленъ авторомъ позже, при изданіи и описаніи остальныхъ частей Сборника Императорской Публичной Библиотeki», по мнѣнію рецензента, интереснаго не только содержаніемъ и происхожденіемъ (съ чешскаго), но и «по столь раннему примѣненію въ легендарной литературѣ одного изъ живыхъ русскихъ говоровъ, хотя и въ смѣшеніи съ формами, а еще болѣе словами языковъ родственныхъ».

Несравненно большею законченностью отличается другой, явившійся въ соисканіи трудъ проф. Владимірова о *Францискѣ Скоринѣ* — извѣстномъ западно-русскомъ первопечатникѣ и переводчикѣ библіи. Вопросъ о происхожденіи, характерѣ и историческомъ значеніи трудовъ Скорины представляетъ много загадочнаго и пещерывающее его изученіе давно являлось существенною задачею и живою потребностью въ нашей ученой литературѣ. Несмотря на кажущуюся простоту и легкость, выполненіе взятой на себя проф. Владиміровымъ задачи, по замѣчанію пр. Будиловича, существенно затруднялось чрезвычайно скудостью біографическихъ свѣдѣній о Скоринѣ, для пополненія коихъ необходимы разысканія въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ въ разное время проживалъ Скорина и гдѣ могли въ актахъ и записяхъ оказаться указанія на его личность или, по крайней мѣрѣ, на культурныя и общественныя условія, опредѣлившія роль его въ исторіи русскаго просвѣщенія. Не меньшая трудность представляется и въ отношеніи изученія книжнаго наслѣдія Скорины, такъ какъ произведенія Скорины по частямъ разбросаны въ бібліотекахъ не только русскихъ, но и заграничныхъ, благодаря чему даже Императорская Публичная Библиотека не можетъ удовлетворить пытлиности изслѣдователя, особливо если онъ задумаетъ дѣятельность Скорины изучать сравнительнымъ путемъ — въ рамкахъ общеевропейскаго книгопечатнаго и вѣроисповѣднаго движенія первыхъ десятилѣтій XVI в.

Обращаясь къ содержанію изслѣдованія проф. Владимірова, рецензентъ признаетъ, что оно заслуживаетъ серьезнаго вниманія, какъ первый опытъ всесторонняго разсмотрѣнія жизни и дѣятель-

ности Скорины, причеъ проф. Будиловичъ указываетъ, что книга, подраздѣленная авторомъ на двѣ части, изъ коихъ первая озаглавлена: «Скорина, его печатныя изданія и переводы», а вторая: «Языкъ Скорины», въ дѣйствительности распадается на три отдѣла: въ первомъ изложена біографія Скорины на общемъ фонѣ западно-русской общественной жизни XVI в.; во второмъ отдѣлѣ представленъ біографическій и историко-литературный обзоръ его изданій и переводовъ, въ связи съ ихъ вліяніемъ на дальнѣйшій ростъ русскаго просвѣщенія, и, наконецъ, въ третьемъ отдѣлѣ рассмотрѣнъ языкъ изданій и переводовъ Скорины.

Въ приложеніяхъ г. Владиміровымъ сообщены нѣкоторые документы и выписки изъ текстовъ Скорины сравнительно съ другими имъ родственными, а въ предисловіи, предпосланномъ сочиненію, и въ самомъ текстѣ сочиненія помѣщенъ обзоръ литературы предмета — настолько обстоятельный, что съ этой стороны, по мнѣнію проф. Будиловича, авторъ исчерпалъ свою тему.

Переходя къ біографическому отдѣлу сочиненія г. Владимірова, ученый рецензентъ хотя и отдаетъ автору ту справедливость, что онъ почерпалъ все подходящее для своего изслѣдованія не только у Соловьева, Макарія, Бестужева-Рюмина, Васильевскаго и др., но и изъ многихъ западно-русскихъ актовъ данной эпохи, тѣмъ не менѣе біографическій очеркъ признаетъ блѣднымъ и отрывочнымъ; обуславливается это, впрочемъ, скудостью имѣющихся въ обращеніи фактическихъ свѣдѣній о Скоринѣ. — По этой то причинѣ авторъ въ данномъ отдѣлѣ отводитъ широкое мѣсто имѣющему къ Скоринѣ собственно мало отношенія изображенію нравственнаго упадка западно-русскаго духовенства, коему противопоставляется городской классъ или мѣщанство, въ качествѣ истаго представителя нравственно-религіознаго и умственнаго развитія юго-западной Россіи въ концѣ XV и началѣ XVI в.

Иной характеръ носятъ II и III главы разбираемаго сочиненія; заключая въ себѣ обслѣдованіе литературы наслѣдія Скорины, онѣ являются наиболѣе важными въ трудѣ проф. Владимірова; — эти главы, по отзыву рецензента, отличаются точностью метода и надежностью большинства добытыхъ результатовъ. Во II главѣ именно рассмотрѣны самымъ внимательнымъ образомъ пражскія изданія Скорины, а въ III главѣ виленскія его изданія, причеъ одинаково тщательно описанъ какъ внѣшній видъ изданій, такъ

и внутреннія свойства текстовъ, сравнительно съ другими однородными изданіями и рукописями.

Соглашаясь съ выводами, дѣлаемыми авторомъ на основаніи обзора сочиненій Скорины въ разныхъ изданіяхъ, проф. Будиловичъ одно лишь изъ заключеній проф. Владимірова — весьма впрочемъ существенное для характеристики Скорины — признаетъ преждевременнымъ и слишкомъ догматичнымъ: рецензентъ сомнѣвается въ томъ чисто-православномъ характерѣ авторской и общественной дѣятельности, какой усвоится Скоринѣ проф. Владиміровымъ.

Въ послѣдней, наконецъ, главѣ сочиненія, посвященной вопросу о языкѣ Скорины, авторъ проводитъ мысль о раннемъ зарожденіи между западно-руссами стремленія приблизить церковный языкъ къ просторѣчю, но въ подтвержденіе этого вывода имъ, по мнѣнію рецензента, убѣдительныхъ доказательствъ не представляется; напротивъ — у Скорины нерѣдко встрѣчаются устарѣлыя или инодіалектическія слова, формы и даже весь строй рѣчи.

Если основной вопросъ о зарожденіи языка Скорины не рѣшается авторомъ окончательно, зато грамматическія и лексическія особенности Скорины очерчены проф. Владиміровымъ и обстоятельно, и въ общемъ правильно.

Ученый рецензентъ, правда, весьма подробно отмѣчаетъ допущенныя г. Владиміровымъ частныя ошибки и невѣрности, по преимуществу лексическаго и грамматическаго характера, но при этомъ оговаривается: «весьма возможно, что на многія изъ этихъ замѣчаній и возраженій авторъ представилъ бы вполне удовлетворительныя объясненія и такимъ образомъ низвелъ бы до значенія простыхъ недомолвокъ или недоразумѣній то, что намъ показалось ошибочнымъ или невѣрнымъ» Но если бы и этого не случилось, если бы читатель присоединился въ большинствѣ случаевъ къ представленнымъ возраженіямъ, то и тогда, по словамъ проф. Будиловича, разсмотрѣнный имъ трудъ г. Владимірова «не утратитъ выдающагося научнаго значенія и важности. Значеніе это заключается въ методическомъ и всестороннемъ пересмотрѣ всего, что можно извлечь изъ литературныхъ произведеній Скорины о немъ и его подвигѣ, съ освѣщеніемъ его лица и дѣятельности съ высшихъ историко-сравнительныхъ точекъ зрѣнія». «Нужды нѣтъ, что то или другое изъ положеній автора уже ранѣе было высказано то Головацкимъ, то Викторовымъ, то Ровинскимъ и другими изслѣдователями старопечатнаго дѣла: даже и въ этихъ

случаяхъ за авторомъ остается заслуга строгой провѣрки прежнихъ догадокъ и возведенія ихъ изъ гипотезъ въ прочныя историко-литературныя положенія. Не важно и то, продолжаетъ рецензентъ, что нѣкоторые изъ домысловъ автора требуютъ еще, по нашему мнѣнію, дальнѣйшей разработки и, пожалуй, могутъ быть потрясены ею, и что вообще сочиненіе это во многомъ не можетъ считаться окончательнымъ рѣшеніемъ затронутыхъ имъ вопросовъ. Довольно и того, что авторъ имъ далъ сильный толчекъ и несомнѣнно приблизилъ къ разрѣшенію. Къ тому же слѣдуетъ оговориться, что почти всѣ указанные неясности или неточности сочиненія касаются разнаго рода біографическихъ и историко-литературныхъ вопросовъ, тогда какъ собственно бібліографическая часть труда, бывшая у автора на первомъ планѣ, разработана безукоризненно и надолго останется образцомъ монографій этого рода. Не маловажное достоинство книги составляетъ и прекрасная ея внѣшность, вполне достойная какъ выдающихся заслугъ знаменитаго западно-русскаго первопечатника, такъ и нашего дѣятельнаго Общества древней письменности, котораго шифръ красуется на заглавномъ листѣ разсмотрѣннаго сочиненія».

Въ виду изложенныхъ научныхъ достоинствъ какъ брошюры о западно-русскомъ житіи св. Алексѣя, такъ особенно изслѣдованія о Францискѣ Скоринѣ, проф. Будиловичъ признаетъ справедливымъ наградить автора этихъ сочиненій Уваровскою премією въ 500 руб.

II.

Описаніе старой Малороссіи — матеріалы для исторіи заселенія, землевладѣнія и управленія. Т. I. Полкъ Стародубскій. Изслѣдованіе Ал. Дазаревскаго. Кіевъ 1889.

Въ обширной рецензій на это сочиненіе, составленной, по вызову Академіи, профес. Д. И. Багалъемъ, и интересными самостоятельными экскурсами въ архивную исторію Украины пополняющей разсматриваемое сочиненіе, рецензентъ отмѣчаетъ тотъ фактъ, что доселѣ предметомъ вниманія изслѣдователей была лишь исторія южной Руси за болѣе древній періодъ и исторія правобережной Малороссіи подъ польскимъ владычествомъ; эту послѣднюю изучали главнымъ образомъ съ точки зрѣнія ея внутренняго быта (положенія крестьянъ, казачества, городовъ, дворянъ, церкви и т. п.). Въ иномъ положеніи оказывалось изученіе исторіи лѣвобережной Ма-

лороссіи: она постоянно оставалась въ тѣни. Даже внѣшняя судьба этого края отъ монголо-татарскаго нашествія до полов. XVII в. извѣстна очень мало. Только со времени Богдана Хмѣльницкаго, когда край этотъ дѣлается центромъ важныхъ политическихъ событій, его живымъ и талантливымъ бытописателемъ является Н. И. Костомаровъ. Но и эта внѣшняя политическая исторія лѣвобережной Малороссіи, за смертью Костомарова, осталась недосказанною, тогда какъ внутренняя жизнь народа, до появленія трудовъ г. Лазаревскаго, представляла изъ себя terra incognita.

Отсюда видно, что существеннѣйшіе вопросы предмета предшествовавшей литературой были или неразрѣшены, или вовсе незатронуты, и потому трудъ, выполненный г. Лазаревскимъ, долженъ занять почетное мѣсто въ исторіи лѣвобережной Малороссіи — тѣмъ болѣе, что г. Лазаревскій къ разсматриваемому сочиненію былъ вполне подготовленъ прежними собственными трудами, разысканными, къ сожалѣнію, въ малораспространенныхъ провинціаль-ныхъ изданіяхъ, почти не извѣстныхъ читающей публикѣ.

Заслуживъ извѣстность лучшаго знатока внутренняго быта гетманщины и собравъ богатый запасъ архивныхъ матеріаловъ, г. Лазаревскій поставилъ себѣ цѣлью дать систематическое описаніе всей лѣвобережной Малороссіи, которое послужило бы матеріаломъ для будущей исторіи малорусскаго народа. Въ разобранномъ проф. Багалѣемъ первомъ, покуда вышедшемъ, томѣ этого сочиненія очерчивается въ частности Стародубскій полкъ въ историческомъ и географическомъ отношеніяхъ. По мнѣнію ученаго рецензента, если въ книгѣ первый отдѣлъ (общій историческій очеркъ) кратокъ, зато послѣдующіе (о городахъ, селеніяхъ и старшинахъ) обширны и обстоятельны; въ особенности нужно это сказать о 3-мъ и 4-мъ. Каждый изъ нихъ заключаетъ, помимо массы фактическаго интереснаго матеріала, иногда цѣлыя отдѣльныя монографіи и эпизоды. Такова, на примѣръ, исторія Стародубскаго магистрата (въ отдѣлѣ о городахъ), пожалованіе кн. Меньшикову Почеповской сотни (въ отдѣлѣ о селеніяхъ), біографія Лисовскаго (въ отдѣлѣ біографій) и т. п. Книга эта знакомитъ насъ отчасти съ исторіею мѣстнаго общества, въ лицѣ казацкой старшины; болѣе въ ней обстоятельны данныя о территоріи; здѣсь мы находимъ не только многочисленныя данныя для исторіи заселенія края, но и исторію цѣлыхъ территоріальныхъ округовъ (сотенъ и волостей), а также отдѣльныхъ населенныхъ пунктовъ. Не всѣ очерки одинаково подробны: есть и краткіе, есть и очень обширные. Въ нихъ, кромѣ того, со-

общается множество любопытныхъ свѣдѣній о жизни малорусскаго общества — его землевладѣніи, социальномъ положеніи, экономическихъ интересахъ (промыслахъ, ремеслахъ и торговлѣ) и частномъ семейномъ бытѣ. Правда, эти данныя не сгруппированы, разбросаны; но авторъ и не ставилъ себѣ цѣлью дать систематической очеркъ внутренняго быта малороссійскаго общества. Наконецъ здѣсь-же начертана и цѣльная картина общественной дѣятельности и частной жизни всѣхъ представителей мѣстнаго полковаго и сотеннаго управленія. Это — исторія (въ біографіяхъ) высшаго слоя малорусскаго народа; въ ней попадаются данныя для исторіи мѣстнаго управленія и для характеристики социальна-экономическаго положенія общества и его домашняго быта.

Обращаясь къ внутренней оцѣнкѣ содержанія книги Лазаревскаго, рецензентъ признаетъ за нею значеніе отнюдь не простаго сборника сырыхъ матеріаловъ. «Самъ авторъ, говоритъ пр. Багалъй, вѣрно опредѣляетъ характеръ своего сочиненія, называя его «описаніемъ старой (правильнѣе лѣвобережной) Малороссіи». Трудъ автора состоялъ здѣсь не только въ разыскиваніи источниковъ какъ печатныхъ, такъ и рукописныхъ, но въ ихъ сводкѣ, систематизаціи. Это не изслѣдованіе; авторъ въ большинствѣ случаевъ уклоняется отъ выводовъ; это — первоначальная сводка матеріала, но подобраннаго и сгруппированнаго такъ искусно, что у читателя складываются сами собою многія обобщенія. Впрочемъ авторъ даетъ намъ иногда отдѣльные экскурсы, носящіе внѣшніе и внутренніе признаки изслѣдованія (таковы, напримѣръ, общія соображенія о заселеніи Стародубскаго полка въ связи съ географическими условіями мѣстности и этюды о раскольничьихъ слободахъ и владѣніяхъ Кіево-Печерской лавры). Помимо того въ книгѣ разсѣяно много отдѣльныхъ замѣчаній критическаго характера. Конечно, описаніе, какъ таковое, всегда должно быть поставлено ниже изслѣдованія; но эта форма изложенія иногда (какъ въ данномъ случаѣ) оказывается въ практическомъ отношеніи необходимою. Можно только пожелать г. Лазаревскому присоединять къ описанію, гдѣ возможно, элементъ изслѣдованія; это онъ дѣлаетъ и теперь, но только въ очень незначительной степени; достигнуть этого, по мнѣнію рецензента, возможно путемъ расширенія историко-географическихъ очерковъ общаго характера и отдѣловъ, посвященныхъ населенію; послѣднее необходимо сдѣлать автору еще и для того, чтобы исполнить свое обѣщаніе о народной исторіи. Не слѣдуетъ впрочемъ забывать, что г. Лазаревскій не могъ те-